

Для меня это были новые пациенты, и все, что я знал, - это фамилия Олсон. Пожалуйста, приезжайте как можно скорее, моя дочь очень больна.

Когда я приехала, меня встретила мать, крупная, очень опрятная женщина, которая смотрела на меня испуганно и извинялась, просто спросив: "Это тот самый доктор?", и впустила меня. Стоя позади, она добавила: "Вы должны извинить нас, доктор, но мы поместили ее на кухню, где тепло. Иногда здесь бывает очень сыро".

Ребенок был полностью одет и сидел на коленях у отца возле кухонного стола. Он попытался встать, но я жестом попросил его не беспокоиться, снял пальто и начал осматриваться. Я видел, что все они очень нервничали, недоверчиво оглядывая меня с ног до головы. Как часто бывает в таких случаях, они не говорили мне больше, чем следовало, и я сам должен был им рассказать; вот почему они потратили на меня три доллара.

Девочка буквально пожирала меня взглядом своих холодных, пристальных глаз, и она совсем не выражала никаких эмоций. Она не двигалась и казалась спокойной в душе; необычайно привлекательное маленькое создание, крепкое, как нетель во внешности. Но ее лицо покраснело, она часто дышала, и я понял, что у нее сильный жар. У нее были пышные светлые волосы. Одна из тех детских фотографий, которые часто публикуются в рекламных листовках и в разделах фотогравюр воскресных газет.

- У нее три дня была высокая температура три дня, - начал отец, - и мы не знаем, от чего это. - Моя жена давала ей разные препараты, знаете, как другие, но это не помогло. И вокруг было много больных. Так что, мы думаем, вам лучше осмотреть ее и сказать нам, в чем дело.

Как часто делают врачи, я сделал пробный снимок в качестве отправной точки. У нее не болело горло? Оба родителя в один голос ответили мне, что Нет... Нет, она говорит, что у нее не болит горло.

У тебя болит горло? обратилась мать к ребенку. Но выражение лица маленькой девочки не изменилось, и она не отвела глаза от моего лица.

Вы осматривали ее?

- Я пыталась, - сказала мать, - но ничего не смогла увидеть.

- Так получилось, что в течение того месяца у нас в школе, куда ходила девочка, было несколько случаев дифтерии, и мы все, по-видимому, думали об этом, хотя до сих пор никто об этом не говорил.

- Что ж, - я сказал, - давайте сначала посмотрим на горло. Я улыбнулся в своей самой профессиональной манере и, спросив, как зовут ребенка, сказал: "Ну же, Матильда, открой рот и давай посмотрим на твое горло".

Ничего не происходило

"Ну же, - уговаривал я, - просто открой рот пошире и дай мне посмотреть". Смотри, - сказал я, широко раскрывая ладони, - "у меня в руках ничего нет. Просто открой и дай мне посмотреть".

- Такой приятный мужчина, - добавила мать. Посмотри, как он добр к тебе. Давай, делай, что он тебе говорит. Он не причинит тебе вреда.

При этих словах я закрипел зубами от отвращения. Если бы только они не сказали это слово "причинять боль", я, возможно, смог бы чего-то добиться. Но я не позволил себя торопить или беспокоить, говоря тихо и медленно, снова приблизилась к ребенку.

Когда я пододвинул свой стул немного ближе, она вдруг одним кошачьим движением инстинктивно потянулась обеими руками к моим глазам и почти дотянулась до них тоже. На самом деле она сбила с меня очки, и они, хоть и не разбились, но упали в нескольких футах от меня на кухонный пол.

И мать, и отец чуть не вывернулись наизнанку от смущения и извинений. Ты плохая девочка,

-, сказала мать, взяв ее за руку и встряхнув. Посмотри, что ты наделала. Такому хорошему человеку...

Ради всего святого, я разозлился. Не называй меня при ней хорошим человеком. Я здесь, чтобы осмотреть ее горло на случай, если у нее может быть дифтерия, и, возможно, она может умереть от нее. Но для нее это ничего не значит. Послушай, - сказал я ребенку, - мы собираемся осмотреть твое горло. Ты уже достаточно взрослая, чтобы понимать, что я говорю. Ты откроешь его сама или нам придется сделать это за тебя?

Ни движения. Даже выражение ее лица не изменилось. Однако ее дыхание становилось все чаще и чаще. Затем началась схватка. Я должен был это сделать. Я должен был сделать анализы горла для ее же собственного блага. Но сначала я сказал родителям, что это полностью зависит от них. Я объяснил

опасность, но сказал, что не буду настаивать на осмотре горла осмотр до тех пор, пока они не возьмут на себя ответственность.

Если ты не будешь делать то, что говорит врач, тебе придется лечь в больницу, - строго предупредила ее мать.

“О, да? Мне пришлось улыбнуться про себя. В конце концов, я уже влюбился в это дикое отродье, родители которого вызывали у меня презрение. В ходе этой последовавшей борьбы они становились все более и более жалкими, раздавленными, измученными, в то время как она, несомненно, достигла великолепных высот в безумной ярости усилий, порожденных ее страхом передо мной.

Отец старался изо всех сил, и он был большим человеком, но тот факт, что она была его дочерью, его стыд за ее поведение и страх причинить ей боль заставили его отпустить ее как раз в тот критический момент, когда я почти добился успеха, пока мне не захотелось убить его. Но его страх, что у нее может быть дифтерит, заставил

его сказать мне, чтобы я продолжал, продолжал, хотя он сам был почти на грани обморока, в то время как мать ходила взад-вперед позади нас, поднимая и опуская руки в мучительном предчувствии.

- Посадите ее перед собой на колени, - приказал я, - и держите ее за запястья.

Но как только он это сделал, девочка закричала: “Не надо, ты делаешь мне больно. Отпусти мои руки. Говорю тебе, отпусти их. Затем она страшно, истерично закричала. Прекрати это! Прекрати это! Вы меня убиваете!”

- Вы думаете, доктор, она сможет это вынести? - спросила мать.

- Уйди - сказал муж своей жене. - Ты что, хочешь, чтобы она умерла от дифтерии?

- Ну же, - подержите ее, - сказал я.

Тогда я схватил голову ребенка левой рукой и попытался просунуть деревянную насадку для языка между ее зубами. Она отчаянно сопротивлялась, стиснув зубы! Но теперь я тоже разозлился - на ребенка. Я пытался сдержаться, но не смог. Я знаю, как подставить горло для осмотра. И я сделал все, что мог. Когда, наконец, я подцепил деревянную лопатку за последние зубы и ввел ее острие в ротовую полость, она на мгновение приоткрыла рот, но прежде чем я успел что-либо увидеть, она снова опустила и схватила деревянное лезвие, она раздробила его между коренными зубами, прежде чем я смог вытащить его обратно.

- Как тебе не стыдно?!, - кричала на нее мать. - Как тебе не стыдно так вести себя перед доктором?

Я попросил мать принести мне какую-нибудь ложку с гладкой ручкой. Мы должны пройти через это. Из рта у девочки уже текла кровь. У нее был порезан язык, и она кричала дикими истерическими воплями. Возможно, мне следовало воздержаться и вернуться через час или больше. Без сомнения, так было бы лучше. Но я видел в таких случаях, по крайней мере, двое детей лежали мертвыми без присмотра, и, чувствуя, что я должен поставить диагноз сейчас или никогда, я взялся за это снова. Но хуже всего было то, что я тоже перешел все границы разумного. В ярости я мог бы разорвать ребенка на части и насладиться этим. Агрессивно действовать на нее было одно удовольствие. Мое лицо горело.

Эту чертову соплячку нужно защитить от ее собственного идиотизма, - говорит он себе в такие моменты. Другие должны быть защищены от нее. Это социальная необходимость. И все это правда. Но слепая ярость, чувство действующие лица - это взрослый стыд, порожденный стремлением к мышечной разрядке. Один идет до конца.

В последнем безрассудном нападении я сдавил шею и челюсти ребенка. Я с силой втолкнул тяжелую серебряную ложку ей в рот, пока она не подавилась. И вот оно - обе миндалины покрыты пленкой. Она доблестно боролась, чтобы я не узнал ее тайну. Она скрывала боль в горле, по меньшей мере, три дня и лгала своим родителям, чтобы избежать именно такого исхода.

Теперь она была по-настоящему взбешена. До этого она защищалась, но теперь напала. Попыталась слезть с колен отца и броситься на меня, в то время как слезы поражения застилали ей глаза.